

ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ КОЗЛОВСКИЙ

независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
dmitry.kozlowsky@yandex.ru

РОЛЬ ИНОСТРАНЦЕВ В ТОРГОВЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ ДРЕВНОСТЯМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А н н о т а ц и я . Рассмотрено участие иностранных исследователей и коллекционеров в скупке древностей в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. Ставится задача выявить их роль в развитии рынка археологического антиквариата. Тема покупки и вывоза антиквариата исследователями из Европы еще недостаточна изучена в отечественной историографии. В научный оборот вводятся не публиковавшиеся ранее документы, цитируются исследования на английском и немецком языках, которые позволяют взглянуть на проблему с перспективой европейских ученых. Рассматриваются материалы периодической печати, доклады, рапорты и переписка крупнейших российских исследователей. Это дает более цельную картину международного рынка антиквариата, который все чаще становится предметом изучения в России и других странах. На основе архивных материалов показано, что коллекционеры, туристы, исследователи и агенты заграничных музеев посещали те регионы России, где археологические раскопки велись особенно активно, – Крым, Кавказ и Закавказье, а также Центральную Азию. Эти иностранные граждане и подданные активно и успешно конкурировали с российскими учеными и собирателями за право приобрести как уникальные находки, так и массовые археологические артефакты. Сделаны выводы о значимой, но не первостепенной роли зарубежных ученых в покупке древностей. Бюджеты западных исследователей на приобретение археологических находок были очень ограниченными, вынуждая тщательно обдумывать каждую сделку. Гораздо большими финансовыми возможностями обладали частные коллекционеры. Не менее массово древности скупали туристы и путешественники. Поскольку антикварный рынок в России был совершенно легальным, то местные торговцы антиквариатом стремились удовлетворить возрастающий спрос. Без них вывоз древностей не принял бы такого масштаба. В последние десятилетия существования Российской империи страна лишилась огромного числа памятников древности, которые пополнили частные собрания и государственные музеи Англии, Германии, Франции и других стран.

К л ю ч е в ы е с л о в а : археология, торговля древностями, иностранные исследователи, коллекционеры, музеи, европейские ученые, Российская империя

Д л я ц и т и р о в а н и я : Козловский Д. В. Роль иностранцев в торговле археологическими древностями в Российской империи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 101–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1325

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XIX – начале XX века участие иностранцев в торговле археологическим антиквариатом было заметным и широко обсуждаемым явлением не только в Российской империи, но и в странах Европы. Однако проблема покупки гражданами и подданными других стран археологических древностей и их вывоза из России изучена не в полной мере. Имеющиеся работы посвящены прежде всего научной деятельности зарубежных исследователей в Российской империи, а покупка древностей в них упоминается лишь эпизодически и вскользь [2: 55]. От-

дельные исследования о вывозе древностей европейцами также не уделяют достаточно внимания данному рынку и роли иностранцев в нем [8: 170]. В настоящей статье автор стремится показать типичные формы торговли археологическим антиквариатом с участием иностранцев, выявить причины, которые к этому привели, и охарактеризовать реакцию научного сообщества Российской империи на данную проблему.

В разных странах степень контроля антикварного рынка была различной, но в целом торговля археологическим антиквариатом была чрезвычайно распространена во всей Европе,

а также в Америке (в отличие от сегодняшнего дня, когда она строго запрещена). Во всех этих странах свободно существовали крупные антикварные фирмы, которые проводили многочисленные аукционы. Среди них можно выделить: S. H. & H. Charman из Филадельфии, Adolph Hess Nachfolger из Франкфурта-на-Майне и Jacob Schulman из Амстердама¹. Собрания частных коллекционеров представляли для исследователей не меньшую ценность и интерес, чем, например, коллекции Британского музея. На заседании Императорского Московского археологического общества (ИМАО) в 1889 году отмечалось, что из 20 известных вавилонских ваз из Южной Месопотамии почти половина находилась в частных руках².

Огромный интерес для европейцев представляли древности Османской империи, Греции, Египта, а также Италии. Крупный торговец древностями, профессор Афинского университета Атанасиос Росополос часть своей коллекции продал Британскому музею через британского торгового агента Чарльза Мерлина [10: 621]. Росополос совершал аналогичные сделки и с русским чрезвычайным посланником при греческом дворе А. Д. Блудовым. В музее греческого города Олимпии у сторожа можно было недорого купить античные светильники, недавно найденные археологами и еще не получившие инвентарные номера³.

Россия тоже весьма активно приобретала древности за границей. Еще в 1851 году Николай I согласился продать участок земли в Риме на Палатинском холме, купленный специально для археологических раскопок, в обмен на античные статуи, бюсты и барельефы для Эрмитажа. В 1861 году заведующий Римской археологической комиссией С. А. Гедеонов приобрел в Риме для Эрмитажа собрание древностей маркиза Д. Кампана, а в 1884 году Александр III стал владельцем коллекции проживавшего в Париже русского коллекционера А. П. Базилевского [6: 430–433]. В 1880-е годы исследователь-египтолог и коллекционер В. С. Голенищев приобрел в Египте и Османской империи множество очень ценных предметов [5: 8–9]. К началу 1900-х годов цены на египетские древности выросли более чем в пять раз, так как многие специалисты считали, что их запасы находятся на грани исчерпания⁴. В 1896 году Русский археологический институт в Константинополе в своем отчете отмечал, что «на древности есть спрос и что крестьяне даже на месте имеют скупщиков»⁵. В целом же в XIX – начале XX века торговля древностями

была чрезвычайно распространена во всей Европе и на Ближнем Востоке.

Российская империя представляла не меньший интерес для иностранных покупателей археологического антиквариата. Формирование антикварного рынка России начинается уже на рубеже XVIII–XIX веков, а к середине XIX века южные губернии России стали источником материалов для пополнения коллекций зарубежных собирателей и музеев [8: 170]. В 1861 году купец и сардинский подданный Людвиг Аллиауди на купленной им земле обнаружил «два мраморных пьедестала от больших статуй с уцелевшими на носах карнизами и греческими надписями»⁶. Аллиауди колебался между продажей находок российскому правительству и британскому консулу. Англичанин предложил за них 500 рублей, тогда как российские власти готовы были заплатить не более 300 рублей⁷. В итоге Керчь-Еникалейским градоначальником были «приняты надлежащие меры к наложению на оные формального запрета на вывоз их за границу», и российское правительство смогло оставить эти находки себе, хотя специального закона, запрещавшего экспорт древностей, не существовало⁸.

Однако история с Людвигом Аллиауди осталась исключительным случаем предотвращения покупки древностей иностранцем. В 1867 году директору Керченского музея древностей А. Е. Люценко принесли краснофигурный кратер, найденный в кургане на земле крестьянина С. Ерохина из селения Эльтиген. Люценко пытался договориться с помещицей Гурьевой о праве раскопать другие курганы, которые находились поблизости, но уже на ее земле. Гурьева требовала за это право 3000 рублей, но у Люценко таких средств не было. В это время известный кладоискатель, прусский подданный Биллер, договорившись с Гурьевой, обследовал многие курганы и гробницы на ее земле. Найденные древности он продал за границу, и они оказались в Оксфордском музее. В 1884 году эти древности были изданы Е. Гарднером как найденные в окрестностях Керчи [1: 71–72].

Член-корреспондент Одесского общества истории и древностей (ООИД) В. Х. Кондаракки в 1884 году в письме к А. В. Адрианову отмечал, что множество керченских древностей «ушло и по сей день уходит за границу»⁹. В 1887 году на пленарном заседании Таврической ученой архивной комиссии в Симферополе обсуждалась проблема продажи древностей из России. Присутствовавший на заседании губернатор отмечал, что это массовое явление: «Я

случайно видел в Керчи целый ящик собранных древностей, приготовленный к отправке за границу»¹⁰. В 1892 году директор Керченского музея К. Е. Думберг сообщал в Императорскую археологическую комиссию (ИАК), что керченские древности через торговцев массово попадают в руки путешественников и вывозятся за границу [8: 170].

Огромный интерес для коллекционеров, в том числе иностранных, представлял Херсонес. После начала научных раскопок ООИД стало известно, что привлекавшиеся для этих целей солдаты особо активно похищали и продавали древности любителям старины. По данным ООИД за 1882–1883 годы, значительное количество ценных находок было приобретено частными лицами и продано за границу. Многие древности продавались мальчиками и рабочими у пристаней в Севастополе как раз во время прихода пароходов, весьма вероятно, расчет был в том числе и на гостей из других стран¹¹.

В начале XX века агент германской фирмы по экспорту хлеба Арнольд Фогель составил коллекцию из 1364 предметов, добытых грабителями в Ольвийском некрополе. С аукциона в Германии она разошлась по музеям Мюнхена, Берлина, Лейпцига и Майнца. Обширную коллекцию древностей собрал француз Мерлен де Массоно, который с 1884 года занимал пост управляющего царских виноделен в Крыму и на Кавказе. В начале XX века одну часть он продал Берлинскому музею, а другую – итальянскому коллекционеру Эркюлю Канессе [7: 178].

Проводившиеся в разных городах России археологические съезды привлекали не только ученых. Так, археологический съезд в Тифлисе 8–20 августа 1881 года широко представил кавказские древности для европейских исследователей и, как неизбежное следствие, коллекционеров с торговцами. Австрийский этнолог из Музея естественной истории в Вене Франц Хегер в дни работы съезда, только гуляя по городу, приобрел 33 глиняных сосуда всего за 9 рублей 80 копеек. Но, познакомившись с местными коллекционерами, он за 250 рублей купил у Хабоша Дударовича Канукова коллекцию бронзовых предметов из погребений Верхнего Кобана. Тогда же Рудольфу Вирхову удалось приобрести «прекрасную коллекцию доисторических бронзовых изделий» [13: 118–119]. Вероятно, их продал все тот же Кануков. Всего он раскопал от 500 до 1000 погребений, а древности из них распродал в многочисленные музеи Берлина, Вены, Будапешта, Лондона, Нью-Йорка, Парижа и Санкт-

Петербурга, а также в частные коллекции. «Многие сотни гробниц были раскопаны местным населением, а их содержимое распродано по всему миру», – писал Хегер в 1890 году после возвращения из экспедиции на Кавказ [13: 130].

В парижском археологическом журнале «Revue Archeologique» за январь 1885 года была опубликована статья Германа Бапста о раскопках, проведенных им на Кавказе в 1883 году. В ней описываются не только раскопки, но и покупки различных древностей, которые были вывезены в Париж¹². В связи с этим председатель ИАК обратился в МВД с просьбой оградить памятники Кавказа от подобных раскопок и не отказывать ИАК в защите их прав, «бесцеремонно попираемых на всем протяжении от Анапы до Батума»¹³.

В 1886 году на эту проблему обратил внимание историк, археолог и антиквар Т. В. Кибальчич. По его оценкам, лишь незначительная часть находок оставалась в России. «Некоторые любители собирают коллекции древностей, находимых в пределах России, для выгодной продажи за границу», – писал он в ИАК. Он также докладывал, что агенты заграничных музеев действовали в Одессе, Киеве, Севастополе, Керчи, Тамани, Тифлисе, Виннице и других городах¹⁴. Так как Кибальчич сам был опытным коллекционером, он говорил о происходящем, зная ситуацию изнутри.

В значительной степени иностранные исследователи, такие как прусский профессор Рудольф Вирхов или французский археолог Эрнест Шантр, обогащали древностями музеи в Берлине и Лионе за счет своих собственных раскопок, проводимых на Кавказе и в южной части Закавказья¹⁵. Хотя в 1880-е годы Вирхов поручал другим немцам проводить раскопки и покупать древностей у местных жителей. Так, предметы для его коллекции приобретал геолог Вальдемар Белк, работавший электротехником на фабрике «Siemens» в Кедабеке [7: 177]. В 1880-е годы Археологическая комиссия неоднократно обращалась к Кутаисскому губернатору с просьбой прекратить раскопки возле Сухума, которыми занимались греки и немецкие колонисты¹⁶.

В 1889 году Хегер во время экспедиции на Кавказ покупал как отдельные находки, так и коллекции. Вторые он приобретал коробками по стандартной цене 20 рублей за штуку. В селе Кумбулта местные жители предложили Хегеру приобрести у них либо более полную коллекцию за 5000 рублей, состоящую из 130 коробок, либо вторую из 40 коробок без значительного числа дубликатов, но за 800 рублей. При этом вторую

коллекцию Хегер хотел сократить до 15–20 корбоек. Такая избирательность была связана с нехваткой средств на более крупные покупки [13: 131]. После возвращения во Владикавказ он купил одну коллекцию за 300 рублей. Вторая ему обошлась всего в 35 рублей, хотя изначально она стоила 65 рублей, но Хегер сумел сторговаться [13: 134–135]. Посетив Кавказ в 1890 и 1891 годах, он вновь приобрел древности у местных археологов-коллекционеров. Он и сам занимался раскопками, вывезя с 1881 по 1893 год в Вену в общей сложности около 5000 археологических предметов [13: 138]. В 1890 году по поручению французского министерства просвещения французский этнолог, археолог и коллекционер барон Жозеф де Бай приобрел массу археологических предметов для Лувра и других французских музеев [7: 178].

Даже у представителей крупнейших музеев был ограниченный бюджет на такие цели, и они не спешили тратить на археологические находки большие деньги. Покупка же крупных коллекций была не очень частым явлением. В январе 1898 году графиня Уварова писала председателю Государственного совета князю Михаилу Николаевичу:

«Русской науке придется изучать свой Кавказ не на Кавказе, а в Берлине, Вене, Лионе и в других зарубежных научных центрах, подвергаясь насмешкам той же западной науки за неумение сохранить свои же собственные научные богатства»¹⁷.

Большой интерес у иностранных туристов и исследователей вызывала Сибирь. Еще в 1847 году российский исследователь и путешественник М. А. Кастрен, путешествуя по Сибири, собирал археологические древности, найденные вдоль Енисея при распашке земли, а также приобрел у местных племен несколько старинных вещей из Минусинского округа¹⁸. Со второй половины XIX века среди ученого сообщества Европы значительно возрос интерес к древностям Сибири и Центральной Азии. С 1891 по 1905 год несколько экспедиций предпринял австрийский ученый Ханс Ледер, собрав внушительную коллекцию археологических находок¹⁹.

Как и на Кавказе, сам факт заинтересованности европейских и российских исследователей в археологических древностях Сибири демонстрировал местным жителям, что на этом можно заработать. Во многих городах действовали ярмарки, на которых можно было свободно продавать и приобретать любые предметы антиквариата. Древности скупались также у местного населения и вывозились за границу. Обнаруженные в Енисейской губернии фигурки были выку-

плены в Константинополе в 1901 году. Находки, обнаруженные в 1894 году в одном из курганов Семипалатинской области, в 1904 году оказались на антикварном рынке в Бухаре и были куплены Прусским королевским музеем в Берлине. В Лондонском музее находятся древние серебряные блюда, приобретенные в 1870 и 1875 годах на Нижегородской ярмарке. Археологический музей в Лионе в 1890 году купил у французского коллекционера Эрнеста Сейера серебряный кувшин, найденный в сибирском кургане. Музеем Национальной библиотеки Парижа были приобретены древние монеты из собрания князя П. Д. Салтыкова²⁰. В начале XX века некоторые частные археологические коллекции, собранные на территории Сибири, были приобретены европейскими музеями²¹.

Большое внимание коллекционеров-иностранцев было приковано и к Центральной Азии. 24 апреля 1887 года на заседании Московского археологического общества М. В. Никольским было предложено учредить Восточную комиссию для занятия «ориентальной археологией» на территории Российской империи. Никольский считал, что нужно составить план «систематического завоевания этого края для науки собственными силами» до того, как там появятся иностранцы²². В 1888 году в Самарканд была подведена Закаспийская железная дорога, в результате чего значительно облегчился доступ всех желающих к древним памятникам. Только в 1890-х годах было зарегистрировано 289 иностранцев, путешествовавших по Бухарскому эмирату и Туркестану, среди которых было 75 англичан, 70 немцев и 57 французов. Это не считая туристов, которые не регистрировались отдельно, а закреплялись за своими гидами [12: 78].

Для удовлетворения спроса со стороны европейских путешественников, коллекционеров, а также агентов крупных европейских музеев практически во всех крупных городах Центральной Азии появлялись торговцы антиквариатом. На рынках Самарканда были представлены ювелирные изделия, изделия из металла, керамика периода Саманидов IX и X веков, которая была чрезвычайно популярна у коллекционеров. Крупный антикварный рынок действовал и в Бухаре. Зарубежные исследователи, посещавшие Туркестан, высоко оценивали развитие нумизматического рынка, который в значительной степени существовал за счет спроса со стороны зарубежных туристов и коллекционеров. Местные торговцы успешно продавали древности в розницу,

а также тесно сотрудничали с особо важными клиентами [14: 146–149].

Еще в 1895 году Н. И. Веселовский возглавил архитектурно-археологическую экспедицию в Самарканд, чтобы снять планы и рисунки архитектурных археологических памятников до того, как они будут разрушены. В Самарканде иностранные скупщики и туристы охотно приобретали цветные изразцы с облицовки древних мечетей. В самом начале XX века неизвестным туристом был вывезен из усыпальницы близ Регистана огромный намогильный камень султана Абу-Саида с резными украшениями и надписями на нем [2: 55–57].

В начале XX века в Центральной Азии работали экспедиции английских, французских и немецких ученых (М. Стейн, А. Грюнведель, А. фон Ле Кок и др.).

«Покупка древностей и современных местных артефактов на рынках была самым обычным способом коллекционирования в рассматриваемый период, и каждый коллекционер, без исключения, прибегал к этому методу»,

– пишет С. Горшенина [12: 41]. Следует отметить, что далеко не все исследователи проводили самовольные раскопки, а наоборот, относились к соблюдению законов крайне ответственно. Американский геолог, профессор Р. В. Пампелли в 1904 году проводил свои раскопки в Закаспийской области под строгим надзором ИАК. Все добытые древности он, согласно обязательствам перед ИАК, отправил в Петербург [2: 54].

Российские коллекционеры, проживавшие в Туркестане, также охотно продавали предметы из своих коллекций иностранцам. Французский профессор естествознания Ж. Шафанжон купил коллекцию древностей у археолога и натуралиста Л. С. Барщевского; крупный немецкий этнограф Адольф Бастиан купил для Берлинского этнографического музея коллекцию предметов у ученого-ориенталиста Н. П. Остроумова. Ташкентский музей отказался приобрести ее, назвав «неинтересным хламом», чем спровоцировал скандал в Москве и столице. Тогда же историк-востоковед В. В. Бартольд отмечал:

«Пока продолжается беспрепятственное и необратимое разграбление исторических объектов [Туркестана], мы можем только приветствовать иностранных ученых, музейных агентов или даже туристов, приобретающих их. Рано или поздно их коллекции могут попасть в музеи или будут предоставлены ученым их владельцами» [12: 52].

В 1901 году в ИАК отмечали, что иностранцы «совершенно развратили в этом случае туземцев», а карательные меры на данном этапе

не действовали²³. Когда в том же году встал вопрос о выдаче разрешений проводить раскопки на территории Хивинского ханства, ИАК выступила против, так как в Самарканде после отъезда исследователя местное население хищнически «набрасывается на курганы» и распродает находки все тем же заграничным туристам и коллекционерам. В ИАК отмечали, что, как и ранее на Кавказе, купленные вещи лишь изредка описывались и издавались:

«Вещь, приобретенная на память о поездке, затеривалась, а после смерти владельца утрачивала всякое значение, так как пропадали все сведения о ее происхождении»²⁴.

К 1910 году антикварная торговля в Центральной Азии достигла своего пика, и древности массово поступали на европейский антикварный рынок, где их приобретали такие люди, как швейцарский коллекционер Х. Мозер [11: 50].

Поскольку основной экспортной артерией была Транскаспийская железная дорога, то, как правило, среднеазиатский антиквариат попадал в Европу и Америку через Иран и Турцию. Генерал А. В. Комаров в письме А. А. Бобринскому отмечал, что «все монеты, посуда и другие находки из Закаспийского региона проданы в Персию евреями и армянами» [12: 51]. Путь через Афганистан и Индию был более опасным, но и на антикварных рынках этих стран встречались древности, добытые на территории Российской империи. Найденное в 1829 году в районе верхнего течения р. Амударьи сасанидское серебряное блюдо было куплено в 1890-х годах уже в Бадахшане для музея «Victoria and Albert» в Лондоне²⁵.

Местные торговцы перепродавали древности, и особенно много древних монет, в Британскую Индию через индийских и других торговцев, посещавших Туркестан [14: 149]. Британский исследователь Ауфель Стейн 1 июня 1893 года предложил министру внутренних дел правительства Индии разослать инструкции своим агентам в различных частях Центральной Азии с тем, чтобы они проводили исследования и вывозили древности [15: 148–149]. В 1895 году археологическая служба Индии издала каталог монет, приобретенных в разных странах, среди которых был и русский Туркестан. Несколько десятков монет, указанных в каталоге, были приобретены в Бухаре, Фергане, Коканде, Хорезме и Самарканде²⁶.

При этом иностранным исследователям музеев выделяли довольно скромные суммы на покупку археологического антиквариата. В 1891 году Франц Хегер за 35 рублей, при изначальной цене

в 65 рублей, приобрел несколько серебряных вещей, железный меч, две дощечки с серебряной чеканкой, а также бронзовый бокал с жемчугом. Можно предположить, что каждая коробка, купленная за 20 рублей, также содержала всего несколько предметов, ведь исследователи стремились не покупать дублирующие предметы, а выбирали наиболее ценные находки. Купленные во Владикавказе за 300 рублей 15 коробок могли содержать всего более сотни находок. В целом это совпадает с упоминавшейся покупкой отдельных находок в среднем за 1 рубль или дешевле, когда речь шла о массовом материале. И все же за границу вывозились тысячи предметов, иногда очень ценных. Известно, что за 12 лет Франц Хегер отправил в Германию около 5000 предметов [13: 134]. У исследователей просто не хватило бы денег выкупить их все. Об этом свидетельствует и практика покупок древностей в других странах.

В 1870-х годах профессор Росополос в Афинах продал Джорджу Роллстону почти целый скифский череп V в. до н. э. за 4–5 фунтов. Целый скелет стоил 8 фунтов. У менее квалифицированных продавцов такие находки стоили еще дешевле [9: 173]. Британский музей получал сотни писем от торговцев древностями из Османской империи с предложениями купить их находки, но лишь малая часть из них удостоивалась внимания. Некоторые торговцы считали, что им предлагают слишком мало, но в итоге уступали. В 1895 году Британский музей после года обсуждений приобрел древнюю табличку всего за 10 фунтов. В 1899 году уже другие торговцы были готовы продать весьма ценные древности за 20 фунтов, хотя сначала хотели получить 65 фунтов²⁷.

В последующие годы ситуация с расхищением древностей в регионе не улучшилась. Единственным хранителем древностей в Самарканде был В. Л. Вяткин, а реставрация и консервация архитектурных памятников Туркестана не проводились. Выступая в 1909 году в Государственной думе, председатель ИАК А. А. Бобринский отмечал, что сейчас о выделении средств на объекты культурного наследия в Туркестане речи не идет [16: 509].

Столь массовая скупка древностей иностранцами и вывоз их за границу во второй половине XIX века стали реальностью не только из-за активной деятельности агентов крупных европейских музеев и коллекционеров, но в первую очередь благодаря законодательству самой Российской империи, не препятствовавшему не только свободной торговле древностями, но и вывозу

их из страны. Без этого условия деятельность иностранных граждан значительно осложнилась бы.

Древности, выкопанные совершенно законно на частной земле, смешивались с находками, найденными на землях государственных и общественных. В результате было почти невозможно разделить находки на полученные легально и нелегально. Российское законодательство даже разграничивало клад и находку. Находкой «считалось обретение вещей и других движимых имуществ, которых владелец неизвестен», и по закону все археологические находки оставались нашедшему²⁸. Даже если удавалось установить, что древности найдены на государственной земле, то нужно было еще доказать, что они целенаправленно выкопаны, а не найдены случайно.

Директор Эрмитажа в 1879–1888 годах Александр Васильчиков неоднократно обращался к министру двора с проектом реорганизации Комиссии в настоящий надзорный орган. В одном из таких обращений он привел следующий аргумент в пользу создания в России службы охраны памятников: «Даже в Турции есть нечто подобное» [4: 49]. В 1890-е годы ИАК неоднократно предлагала ужесточить ответственность за нарушение закона от 11 марта 1889 года, который давал ей исключительное право производить раскопки на казенных и общественных землях. Предлагалось также полностью запретить кладоискательство и установить строгую ответственность за утайку не только кладов, но и случайных археологических находок²⁹. Однако никаких поправок в законодательство внесено не было, и Комиссия могла лишь констатировать «равнодушие местной полиции к охране древностей или сознание представителями своего полного бессилия в борьбе с кладоискательством»³⁰. Прусский подданный Виллибальд Иоппих получал у генерал-губернатора Гродно разрешение на поиск кладов в 1890 и 1892 годах. И только когда в 1894 году он подал новое ходатайство, оно попало в ИАК и ему отказали на основе закона 1889 года³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нельзя точно сказать, какую долю вывезенных из России древностей составляли найденные иностранцами на раскопках, а какую – купленные европейскими туристами, музейными агентами, коллекционерами и исследователями. Туристы зачастую покупали у торговцев массовый материал вроде монет, но такие покупки никак не регистрировались и не оставили документальных следов. Многие торговцы не до-

кументировали свою деятельность и часто даже не вели опись товаров. Что касается именно профессиональных исследователей, то, скорее всего, купленные древности составляли меньшую часть от вывезенных ими за границу.

Не следует преувеличивать роль иностранных покупателей в торговле древностями в целом. Рынок археологического антиквариата в Российской империи сформировался бы и без них. Они сыграли в его развитии заметную, но не ведущую роль. При этом частные лица даже охотнее, чем ученые и представители музеев, тратили деньги на различный археологический антиквариат. Эта практика скупки древностей может быть в полной мере отнесена и к российским туристам, коллекционерам и исследователям. Иностранцы действова-

ли в рамках существующего законодательства или не отступали от него сильнее, чем местные жители. При этом во всех рассмотренных регионах, от Херсонеса до Самарканда, формы, которые принимали покупка и вывоз древностей в другие страны, были практически одинаковыми. Однако в европейской части страны контроль за раскопками был несоизмеримо выше, чем в присоединенном к Российской империи в 1867 году Туркестане. При этом российские учреждения и коллекционеры также крайне активно приобретали отдельные древности в других странах либо в ходе путешествий, как В. С. Голенищев, либо по итогу переговоров с крупными коллекционерами, как С. А. Геденов, пополняя коллекции Эрмитажа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Catalogue of fine ancient Greek gold & silver and a few fine Roman coins. (S. H. & H. Chapman, Ed.). Philadelphia: S. H. & H. Chapman, 1878. P. 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/catalogueoffinea00shhc/page/n7/mode/2up> (дата обращения 31.10.2025).
- ² Соловейчик И. И. О новооткрытой еврейско-вавилонской вазе // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии. Т. 1. Вып. 1–3. М., 1889. С. 90.
- ³ Бильвина О. Л. Частное коллекционирование произведений античного искусства в России (вторая половина XIX – первые два десятилетия XX в.): Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2007. С. 93.
- ⁴ РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.
- ⁵ Известия Русского Археологического Института в Константинополе. Вып. I. Одесса: «Экономическая» типография, 1896. С. 28.
- ⁶ РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. 1861 г. Л. 2.
- ⁷ Там же. Л. 6.
- ⁸ Там же. Л. 18.
- ⁹ РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1884 г. Д. 5. Л. 18.
- ¹⁰ РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 43. Л. 28.
- ¹¹ РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1884 г. Д. 5. Л. 24.
- ¹² РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1885 г. Д. 5. Л. 8.
- ¹³ Там же. Л. 7.
- ¹⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 10-А. Л. 4.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1885 г. Д. 5. Л. 7.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 77. Л. 7–8.
- ¹⁸ Борисенко А. Ю. Изучение древних и традиционных культур народов Сибири и прилегающих к ней районов Центральной Азии европейскими учеными в конце XVII – начале XX века: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2023. С. 270.
- ¹⁹ Там же. С. 304–307.
- ²⁰ Смирнов Я. И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Имп. Археологической Комиссии ко дню 50-летия ее деятельности. СПб., 1909. С. 9–17.
- ²¹ Борисенко А. Ю. Изучение древних и традиционных культур... С. 322.
- ²² Древности восточные. Труды Восточной Комиссии. Т. 1, вып. 1. М., 1889. С. 6.
- ²³ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Внутр. оп. 474/2423. Д. 178. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Л. 7.
- ²⁵ Смирнов Я. И. Восточное серебро... С. 9–17.
- ²⁶ Catalogue of the coins collected by Chas. J. Rodgers and purchased by the government of the Panjab Part IV. (Chas. J. Rodgers, Ed.). Calcutta: Baptist Mission Press, 1895. P. 21–26 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ignca.gov.in/Asi_data/15770.pdf (дата обращения 31.10.2025).
- ²⁷ Ghanem N. When things go wrong: Smuggling artefacts from Baghdad to London in the late 19th century. 2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blogs.soas.ac.uk/soashistoryblog/2022/02/04/when-things-go-wrong-smuggling-artefacts-from-baghdad-to-london-in-the-late-19th-century/> (дата обращения 31.10.2025).
- ²⁸ Свод Законов Российской Империи. Т. X: 1912 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/60.html> (дата обращения 31.10.2025).

²⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 192. Л. 3–4.

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 51. Д. 74. Л. 16–18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Деметра, 1999. 160 с.
2. Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.
3. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: Коллективная монография: В 2 т. Т. 1 / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 888 с.
4. Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 371 с.
5. Струве В. В. Значение В. С. Голищева для археологии // Очерки по истории русского востоковедения. 1960. № 3. С. 1–69.
6. Тихонов И. Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 427–479.
7. Чандрасекаран С. Западные коллекционеры на Кавказе и в Северном Причерноморье в дореволюционное время // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке / Ред.: М. Т. Кашуба, М. В. Медведева, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 177–180.
8. Шаманаев А. В. Вывоз из Крыма археологических находок за рубеж в XVIII – начале XX века: перспективы исследования проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68), № 2. С. 162–173.
9. Galanakis Y. An unpublished stirrup jar from Athens and the 1871–1872 private excavations in the outer Kerameikos // Annual of the British School at Athens. 2011. № 106. P. 167–200. DOI: 10.1017/S0068245411000074
10. Galanakis Y., Skaltsa S. Tomb robbers, art dealers and a dikast's pinakion from an Athenian grave // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 2012. Vol. 81, № 4. P. 619–653. DOI: 10.2972/hesperia.81.4.0619
11. Gorshenina S. Russian archaeologists, colonial administrators, and the “natives” of Turkestan: Revisiting the history of archaeology in Central Asia // “Masters” and “natives” digging the others’ past. (S. Gorshenina, Ph. Bornet, M. E. Fuchs, C. Rapin, Eds.). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2019. P. 31–86. DOI: 10.1515/9783110599466-004
12. Gorshenina S. The private collections of Russian Turkestan in the second half of the 19th and early 20th century // Central Asian Studies. 2004. № 15. 205 p. DOI: 10.1515/9783112400326
13. Heinrich A. Franz Hegers Reisen und Ausgrabungen im Kaukasus und die Entstehung der “Sammlung Kaukasischer Alterthümer” im Naturhistorischen Museum in Wien // Mitteilungen der. Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. 2007. 136/137. S. 107–143.
14. Naymark A. Coin collecting in colonial Turkestan (from Russian conquest to the end of the 19th century) // Polymnia. Numismatica Antica e Medievale. Studi 9. Università di Trieste. 2015. P. 139–156.
15. Strauch I. Priority and exclusiveness: Russians and Germans at the Northern Silk Road (materials from the Turfan-Akten) // L’orientalisme des marges. 2014. № 2-3. P. 147–178. DOI: 10.4000/edl.676
16. Yunusov M. A history of scientific archeological research by the Imperial Archeological Commission in Samarkand // International Journal on Integrated Education. 2022. № 6. P. 504–520.

Поступила в редакцию 01.11.2025; принята к публикации 27.02.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Dmitry V. Kozlovsky, Independent Researcher (St. Petersburg, Russian Federation)
dmitry.kozlovsky@yandex.ru

THE ROLE OF FOREIGNERS IN THE TRADE OF ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITIES IN THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. The article examines the participation of foreign researchers and collectors in the purchase of antiquities in the Russian Empire in the second half of the XIX and early XX centuries. The objective of the study is to clarify their role in the development of the archaeological antiques market. The purchase and export of antiques by researchers from Europe has not yet been sufficiently studied by Russian historiography. Previously unpublished documents are introduced into scientific circulation. Also studies in English and German are cited, showing the problem from the European scientists’ perspective. The sources include regional newspapers, official documents, reports, and personal communications of prominent Russian scholars. This provides a more complete picture of the international antiques market, which is increasingly becoming the subject of research in Russia and other countries. According to archival

materials, private collectors, tourists, researchers, and agents of foreign museums visited those regions of Russia where archaeological excavations were very active at that time, primarily Crimea, the Caucasus and Transcaucasia, as well as Central Asia. These foreigners actively and successfully competed with Russian scientists and collectors for the right to acquire both unique finds and massive archaeological artifacts. The findings shed new light on significant, but not the paramount role of foreign scientists on the antique market. The budgets of Western researchers for the purchase of archaeological finds turned out to be very limited, forcing them to consider each transaction carefully. Private collectors had much greater financial resources. Tourists and travelers bought up antiquities no less massively. Since the antiques market in Russia was completely legal, local antiques dealers themselves sought to satisfy the increasing demand for antiquities. Without them, the export of antiquities would not have taken on such a scale. Thus, in the last decades of the Russian Empire, the country lost a huge number of ancient monuments, replenishing private collections and state museums in Britain, Germany, France, and other countries.

Key words: archaeology, antiquities trade, foreign researchers, collectors, museums, European scientists, Russian Empire

For citation: Kozlovsky, D. V. The role of foreigners in the trade of archaeological antiquities in the Russian Empire. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):101–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1325

REFERENCES

1. Borovkova, V. N. Collectors and dealers of Kerch antiquities. Kerch, 1999. 160 p. (In Russ.)
2. Dluzhnevskaya, G. V. Archaeological research in Central Asia and Siberia in 1859–1959 (according to the documents of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). St. Petersburg, 2011. 296 p. (In Russ.)
3. The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): the history of the first state institution of Russian archeology from its foundation to its reform: Collective monograph: In 2 vols. Vol. 1. (A. E. Musin, M. V. Medvedeva, Eds.). St. Petersburg, 2019. 888 p. (In Russ.)
4. Musin, A. E. Glaring stones. The Russian Church and the cultural heritage of Russia at the turn of the millennium. St. Petersburg, 2006. 371 p. (In Russ.)
5. Struve, V. V. The significance of V.S. Golenishchev for archeology. *Essays on the History of Russian Oriental Studies*. 1960;3:1–69. (In Russ.)
6. Tikhonov, I. L. Archeology in the Imperial Hermitage. *Russian Archaeological Yearbook*. 2014;4:427–479. (In Russ.)
7. Chandrasekaran, S. Western collectors in the Caucasus and the Northern Black Sea region in pre-revolutionary times. *Antiquities of the Northern Black Sea region, Caucasus, and Central Asia: from the discoveries of N. I. Veselovsky to modern science*. (M. T. Kashuba, M. V. Medvedeva, E. O. Stoyanov, Eds.). St. Petersburg, 2024. P. 177–180. (In Russ.)
8. Shamanayev, A. V. The Crimean archaeological finds moving to abroad in the 18th – early 20th century: the problems and perspectives of study. *Scientific notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University*. Series: Historical Science. 2016;68(2):162–173. (In Russ.)
9. Galanakis, Y. An unpublished stirrup jar from Athens and the 1871–1872 private excavations in the outer Kerameikos. *Annual of the British School at Athens*. 2011;106:167–200. DOI: 10.1017/S0068245411000074
10. Galanakis, Y., Skaltsa, S. Tomb robbers, art dealers and a dikast's pinakion from an Athenian grave. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 2012;81(4):619–653. DOI: 10.2972/hesperia.81.4.0619
11. Gorshenina, S. Russian archaeologists, colonial administrators, and the “natives” of Turkestan: Revisiting the history of archaeology in Central Asia. “Masters” and “natives” digging the others’ past. (S. Gorshenina, Ph. Bornet, M. E. Fuchs, C. Rapin, Eds.). 2019:31–86. DOI: 10.1515/9783110599466-004
12. Gorshenina, S. The private collections of Russian Turkestan in the second half of the 19th and early 20th century. *Central Asian Studies*. 2004;15:205. DOI: 10.1515/9783112400326
13. Heinrich, A. Franz Hegers Reisen und Ausgrabungen im Kaukasus und die Entstehung der “Sammlung Kaukasischer Alterthümer” im Naturhistorischen Museum in Wien. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 2007;137:107–143.
14. Naymark, A. Coin collecting in colonial Turkestan (from Russian conquest to the end of the 19th century). *Polymnia. Numismatica Antica e Medievale. Studi* 9. 2015;9:139–156.
15. Strauch, I. Priority and exclusiveness: Russians and Germans at the Northern Silk Road (materials from the Turfan-Akten). *L'orientalisme des marges*. 2014;2-3:147–178. DOI: 10.4000/edl.676
16. Yunusov, M. A history of scientific archeological research by the Imperial Archeological Commission in Samarkand. *International Journal on Integrated Education*. 2022;6:504–520.

Received: 1 November 2025; accepted: 27 February 2026; published: 29 May 2026